

Сереброва С. Б. Авторський текст у дискурсі регіональних ЗМІ.

Проаналізовано поняття авторського тексту в сучасних регіональних ЗМІ, а також використання різних видів прецедентних феноменів у дискурсі регіональних ЗМІ Донбасу, роль і вплив використання ПФ на сприйняття журналістського тексту.

Ключові слова: авторський текст, інтертекстуальність, прецедентні феномени, цитатність.

Serebrova S. B. The concept of copyright text in a modern regional media.

Analyzed the concept of copyright text in a modern regional media as well as the use of different kinds of precedent phenomena in the discourse of regional media Donbass, the role and influence of PF on the perception of journalistic text.

Keywords: author's text, intertextuality, precedential phenomena quotation.

**Троцинская-Степушина Т. Е.
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова (Беларусь)**

**ПЕРСОНАЖ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ**

В статье рассматриваются коммуникативные особенности речевого поведения персонажа в художественном тексте (на материале прозы белорусского автора Елены Поповой). Обосновывается актуальность изучения литературного героя как языковой личности. Определяется роль персонажа как субъекта внутритекстовой коммуникации.

Ключевые слова: персонаж, речевое поведение, диалог, коммуникация, антропоцентричность.

С изменением научного взгляда на текст и выдвиганием новых аспектов его изучения приоритетным в текстологии становится коммуникативно-деятельностный подход, позволяющий наиболее полно раскрыть свойства языка и текста. Своеобразие художественного текста как коммуникативно направленного произведения, обладающего определенной эстетической ценностью, заключается в его антропоцентричности, культурологической значимости и способности воплощать в образной форме моделируемую автором художественную картину мира. В этой связи художественный текст является продуктом одного из самых сложных видов коммуникации – художественно-литературной, субъектами которой становятся не только автор и читатель, но и персонажи. Поэтому реализация антропоцентрического принципа при анализе художественного текста возможна при условии, что объектом исследования, по Ю.Н. Караулову, оказывается персонаж как специфичная языковая личность, “стоящая за текстом” [1, с. 261].

Глубокий анализ литературного героя как языковой личности, анализ с учетом всей совокупности представленных в тексте характеристик возможен при условии ориентации на речевое поведение персонажа. Подобный подход к анализу образа героя представляет несомненный интерес еще и потому, что персонаж как языковая личность является носителем определенных культурно-языковых ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Однако этот аспект остается еще недостаточно разработанным в лингвистике.

Речевое поведение персонажа может проявляться через разные компоненты текста: диалог с другим персонажем, монолог, внутреннюю речь, молчание. Целью статьи является определение специфики персонажа художественного произведения как языковой личности (на материале романа Елены Поповой “Восхождение Зенты”). В

рамках данной статьи мы рассмотрим речевое поведение персонажа как языковой личности на примере диалога.

Диалог, по мнению лингвистов, – это специфическая форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности, форма существования языка и общения человека с миром. Л.В. Щерба утверждал, что “подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге” [2, 128]. Диалогические отношения нельзя рассматривать как особенность или специфическую черту литературного текста, потому что они определяют саму сущность человеческого бытия.

Анализируя диалог в художественном произведении, нельзя не учитывать читателя, поскольку текст не может существовать иначе, как звено единой системы: автор – высказывание – читатель. Поскольку художественный текст, – это высказывание *я*, адресованное *другому*, высказывание осуществляется лишь в том случае, когда *я* его создал, а другой воспринял (М. Бахтин). Создавая высказывание (текст), автор (*я*) адресует его сразу двум собеседникам (*другим*), один из которых – реальный читатель. Свой адресат есть у каждого писателя, у каждого литературного направления. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить хотя бы интеллектуальный роман и образец массовой литературы. Причем в самом художественном высказывании заложена адресованность читателю, “ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает” [3, 83].

Обратимся к специфике моделирования речевого поведения персонажа в романе современной белорусской писательницы Елены Поповой “Восхождение Зенты”. В произведениях Е. Поповой диалогическая ситуация рождается тем, что автор, выстраивая иерархию диалогических отношений, “отдает” свое слово героям. Диалог “внутри” каждого романа воплощает самодостаточный мир рассказчика, за которым стоит подлинный автор, отдавший свое слово другим, не оставив себе имени. Но именно он, автор, стоит над всеми (рассказчиками и героями), оценивая общую картину мира во всей полноте. М.М. Бахтин назвал это “внезаходимостью автора: мир авторского *я* реализуется в совокупном диалоге миров *других*” [4, 305].

В построении диалогических отношений могут сложиться две принципиально разные ситуации. Одна возможна, когда мир авторского *я* реализуется в совокупном диалоге миров *других*; вторая – авторское высказывание строится не как целое одного (авторского) сознания, а как диалог разных равноправных сознаний (и героев, и автора).

Полифоническое высказывание, т.е. диалог разных сознаний, выявляется в романе Е. Поповой “Восхождение Зенты”, в котором воплощен диалог и героев, и автора.

Человек, по мнению Е. Поповой, ограничен не только личным и культурным опытом, но и тем, что далеко не все подвластно его пониманию. Он отнюдь не цель творения, поэтому мир не таков, каким представляет его человек: *Весь мир, в котором мы с вами живем,.. реальный мир...нам кажется он ...черте-те какой немислимый, а на самом деле он душный, тесный, узкий...* [5, 45]. Другими словами, если этот мир – таков, то подразумевается, что есть и другой, лучший мир. Словами своего героя Шрибинды (“сумасшедшего йога”, с обывательской точки зрения) автор называет другой мир “астралом”: *А над всем этим гигантский, грандиозный, ни с чем не соизмеримый великий астрал!...Там есть такое понятие, как восхождение. Бесконечное восхождение. К миру причин. К океану духа. В основе которого и есть Бог.*

Внешне этот фрагмент – традиционная оппозиция “этого” и “другого” мира. Смерть – “восхождение” – преодоление границы, разделяющей живых и мертвых. Но в отличие от традиционной оппозиции смысл этого фрагмента определяют две точки зрения на одно явление: *там, у других* есть некие свои законы бытия (*ты ушел к другим*), и то, что *нам* кажется царством тьмы, есть просто скрытое от нас, но открытое *другим*

пространство. Так утверждается ограниченность одной точки зрения (взгляд “отсюда”), так как она диалектически предполагает наличие другой (“оттуда”).

В романе “Восхождение Зенты” Попова неоднократно подчеркивает ограниченность персонажа как субъекта сознания:

– *Я хочу знать, где я живу?* – сказала Зента. – *На кусочке грязи в тесном, узком, душном мире земли, луны, солнца и нескольких галактик?*

– *Человек должен знать столько, сколько ему положено,* – сказал г-н Шульц. – *В отведенных ему пределах. Когда придет срок, ты узнаешь больше, но не больше, чем тебе положено и тогда* [5, 86].

В приведенном диалоге главной героини романа Зенты со своим ушедшим (умершим) начальником и гуру, г-ном Шульцом, автор соотносит два разных сознания, утверждая ограниченность каждого из них. Стремление преодолеть ограниченность сознания приводит к тому, что писатель пытается рассмотреть жизнь со всех возможных точек зрения, то есть воспринятую одновременно разными сознаниями. Ожидание смены воспринимающих мир сознаний и становится основой того *бесконечного диалога*, в котором невозможно ни исчерпать всех точек зрения, ни найти той, единственно верной, которая стала бы универсумом.

В анализируемом романе можно обнаружить и полифоническое высказывание, т.е. диалог разных сознаний, в котором воплощен диалог и героев, и автора:

Зента, растревоженная разговором с лилипутом, ..., вышла прямоком на Малахова, и тот соединил ее с Кондыбо-Кондыбайло.

– *Что мне делать?* – спросила растревоженная Зента. – *Что мне делать? Что нам всем делать с этой водой?*

И Кондыбо-Кондыбайло, потомок древнего, как человечество, рода, жившего у болот, ей лениво ответил:

– *Что делать? Да ничего не делать. Как поднялась, так и спадет.*

Зента успокоилась, и скоро ее странная жизнь стала ей даже нравиться. Дни тянулись длинные, замкнутые, одинаковые, полные расслабленности и покоя. Все это немного напоминало ей поездку в поезде, когда можно было уже никуда не спешить, а смиренно отдаться чужой воле и чужому движению. Что толку, если она будет как сумасшедшая метаться по вагону, разве от этого поезд пойдет быстрее?

Обстоятельства, которыми обусловлен данный диалог: люди варварским вмешательством в жизнь природы нарушили ее равновесие и Город затопило. В диалогическом фрагменте четко прослеживаются две линии – речевого взаимодействия героев (внешняя оболочка диалога) и авторской точки зрения на сложившуюся ситуацию (его внутренняя сторона). Зенту, казалось бы, всерьез напуганную катастрофой, легко успокоил *потомок древнего, как человечество, рода, жившего у болот* – чиновник по фамилии Кондыбо-Кондыбайло. И автор, описывая ее якобы философское спокойствие (зачем, мол, нервничать, ведь это бессмысленно), посылает читателю зашифрованную мысль-предупреждение: думать, как Зента – преступление, и если люди дружно спрячут голову в песок, вместо того чтобы, проанализировав причины случившегося, извлечь из него выводы, человечество ждет большие беды.

Итак, можно сделать вывод о том, что человек составляет главный объект внимания Е.Поповой: в ее прозе показано многообразие характеров людей в различных ситуациях. Герой как языковая личность является носителем культурно-языковых, коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, особенно ярко проявляющихся в диалоге. Все это справедливо по отношению к роману Е.Поповой “Восхождение Зенты”, в котором характеры героев наиболее полно раскрываются именно в диалогах. Писатель создает полифункциональный диалог,

формирующий особый тип текста, функции которого – характеристика персонажа, развитие действия, сообщение о мотивах поведения героев.

Таким образом, исследование персонажа как субъекта внутритекстовой коммуникации способствует реализации антропоцентрического принципа при анализе художественного текста.

Л и т е р а т у р а :

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 2 – е изд., стер. – М. : УРСС, 2002. – С. 261.
2. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 128.
3. Фоменко И. В. Практическая поэтика: учебное пособие / И.В. Фоменко. – М. : Академия, 2006. – С. 83.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – С. 305.
5. Попова Е. Восхождение Зенты / Е. Попова. – Мн. : Народная асвета, 2007. – 348 с.

Трошинська-Степушина Т. Є Персонаж художнього твору як мовна особистість.

У статті розглядаються комунікативні особливості мовленнєвої поведінки персонажу у художньому тексті (на матеріалі прози білоруського автора Олени Попової). Обґрунтовується актуальність вивчення літературного героя як мовної особистості. Визначається роль персонажа як суб'єкта внутрішньотекстової комунікації.

Ключові слова: персонаж, мовленнєва поведінка, діалог, комунікація, антропоцентричність.

Troshchinskaya-Stepushina T. E. The character as writing of linguistic personality.

Communicative peculiarities of the character's speech action in a writing is studied in the given article (based on the material of Elena Popova's prose).

The urgency of the character's studying as a linguistic personality is founded. The character's role as the subject of intratextual communication is defined.

Keywords: character, dialogue, communication, anthropocentricity.

Сунь Юйминь

**Таврический национальный университет
имени В. И. Вернадского (Украина, Китай)**

ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА ВРЕМЯ КАК ДЕРИВАЦИОННАЯ БАЗА ПРАГМАТОНИМОВ

Статья посвящена системному и лингвокогнитивному анализу прагматонимов Крыма, которые образованы путем онимизации от лексем, входящих в идеографическую группу ВРЕМЯ.

Ключевые слова: прагматоним, онимизация, идеографическая классификация, идеографическая группа “ВРЕМЯ”, номинация.

Одним из разрядов ономастической лексики являются прагматонимы, не получившие однозначного определения в современной лингвистике. Н. В. Подольская определяет прагматонимы как условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания [4].

Прагматонимами (прагмонимами) в современной ономастической литературе называют товары повседневного спроса населения. Термин *прагматоним* используется также как словесное обозначение конкретной марки товара; например, в работах на материале номинации продуктов питания [7].

В своей работе мы опираемся на определение А.В. Суперанской: “Товарные знаки и знаки обслуживания составляют отдельный сектор собственных имен, тесно